

*«...Ею было издано много книг,
неизвестных широкой публике —
тем хуже для публики».*

В. Ходасевич

...Автобус подошёл вовремя, пассажиров было немного. Удобно устроившись на своём месте, я смотрела в окно и мысленно просила, чтобы никто не подсел на соседнее место. Я ехала к морю. Нет, не к Средиземному и даже не к Чёрному. К нашему — Азовскому. И ехала не отдыхать, а работать. Но мысль о том, что удастся быстро решить все дела и успеть окунуться, пусть не в солёную, пусть не в очень чистую, но прохладную живительную водичку, была единственной радостной. Зной стоял невыносимый, поэтому даже малейшие умственные или физические усилия были мучительны.

На мониторе, подвешенном к потолку, начался старый, любимый с детства фильм «Жестокий романс», и мы поехали. За окном мелькали армии подсолнухов, поворачивая свои головы к солнцу, над выжженной степью дрожал раскалённый воздух, редкие лесополосы были прозрачны — деревья теряли листву от жары и засухи.

Мы ехали в Таганрог, а Лариса Гузеева, срывающимся на ухабах голосом Валентины Пономарёвой, пела:

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа? —
Кто побеждён?
Кто побеждён?

Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?..

Я незаметно задремала под киношные страсти, и вместо Ларисы Дмитриевны и Паратова передо мной возник образ Марины Цветаевой, напевающей этот романс молодой, красивой, с необыкновенно выразительными глазами женщине. Взгляды подруг были настолько красноречивы, что мне стало неловко...

Автобус подбросило на кочке, я проснулась. Но странное чувство смущения и любопытства осталось. Кто эта женщина, что мне примерещилась? Плод моего воображения или она действительно существовала?

В Таганроге я быстро нашла дом № 26 по улице Фрунзе, зашла в кабинет директора. И тут... Я застыла в изумлении: на столе в стильной металлической рамке стояла фотография женщины из моего сна!

— Кто это? — шёпотом спросила я, кивая на снимок.

Хозяин кабинета посмотрел на меня, как на безнадежно отсталую, и процитировал:

— *«Люблю тебя в твоём просторе я / И в каждой вязкой колее. / Пусть у Европы есть история, — / Но у России: жите...»* Это — Софья Парнок, наша землячка. Некоторые считают её лучшим поэтом Серебряного века. Именно ей посвящено стихотворение Марины Цветаевой «Под лаской плюшевого пледа». Вы не знали? Мало того, свои детские годы она провела в этом доме, возможно, даже жила в комнате, где мы сейчас с вами сидим.

Моему изумлению не было предела!

— Расскажите, пожалуйста, всё, что знаете! — взмолилась я.

— Я познакомился с творчеством Софии Яковлевны лет двадцать назад, взяв в библиотеке книгу «Сонет Серебряного века»

(М., «Правда», 1990 г.). На меня огромное впечатление произвели её стихи. Подборка небольшая, всего семь сонетов. Они разноплановые; конечно, не раскрывающие полностью творчество поэтессы, но позволяющие понять, что это — стихи большого мастера...

и будет тускло-тускло гореть ночник.
и разведёт руками мой часовщик,
и будет сердце биться, хрипя, стена,
и на груди подпрыгивать простыня...

Где будешь ты в ту полночь? Приди, приди,
ты, отдохавший на моей груди!
«Который час?» Сонет. (там же, стр. 364)

Мне сейчас захотелось больше узнать об авторе.

Софочка, как я уже сказал, провела в этом доме, на Николаевской, 28 (ныне — ул. Фрунзе, 26), семнадцать лет своей жизни. Первые десять — пожалуй, самые счастливые. Обеспеченная семья, светлое будущее. Но, к сожалению, порой не всё складывается так, как мечталось. В 1895 году умирает мать, оставив безутешного вдовца с тремя малолетними детьми.

В 1900 году отец женился вторично на гувернантке младших детей. На глазах пятнадцатилетней девушки происходит, по её мнению, предательство. Девушка перестаёт верить отцу, а в его лице — всем мужчинам на свете. На почве психологической травмы прогрессирует базедова болезнь.

София учится в гимназии — заведении со строгими правилами женского монастыря. Воспитанниц не пускают на улицу, запрещают общаться с лицами другого пола. Но девичьи души требовали возвышенных чувств, романтизма, переживаний, поэтому среди девушек возникали отношения дружбы-влюблённости, сопровождавшиеся разного рода интрижками, записочками, ревностью... В те годы из-за заболевания щитовидной железы, подросткового гормонального сбоя, ненависти к отцу и монастырских условий содержания в женском пансионе родилась первая любовь к подруге — Надежде Поляковой.

Именно тогда София Парнок начала писать стихи. И именно Надежде были посвящены первые строфы.

Не забыла, видно, я в этой жизни
Незабвенных нег незабвенных песен,
Что певали древле мои подруги
В школе у Сафо.

Окончив гимназию с золотой медалью, в 1903 году София поступает на филологический факультет Женевского университета. Но, проучившись всего год, возвращается в Россию, поступает в Петербургскую консерваторию. Но и её вскоре бросает. София живёт то в Петербурге, то в Москве, то опять едет за границу... Семь лет, с 1903 по 1910 год, — это череда нескончаемых переездов, поступлений на учёбу, поиски вариантов зарабатывания на жизнь, вереница знакомств... Этим бесконечным скитаниям-метаниям, конечно, есть объяснение. И это не только непонятная обстановка в России, как говорят, «революционная ситуация». Похожая «ситуация» в душе Софии. Она в поисках, в мучительных поисках себя, своего места в жизни, своего предназначения.

В переписке Парнок есть такие строки: *«Когда я оглядываюсь на свою жизнь, я испытываю неловкость, как при чтении бульварного романа. Всё, что мне бесконечно отвратительно в художественном произведении, чего никогда не может быть в моих стихах, очевидно, есть во мне и ищет воплощения. И вот я смотрю на мою жизнь с брезгливой гримасой, как человек с хорошим вкусом смотрит на чужую безвкусицу».*

И с этим ей приходится жить. Приходится принимать себя такой, какой её создал Бог. Мало того, ей нужно объяснить окружающим, что она именно ТАКАЯ, и другой уже не будет.

Да, говорят, поэт пишет свою биографию стихами. Однако этого не скажешь о Софии Парнок. Ведь, не зная подробностей её личной жизни, неясно, кому предназначалась её любовная лирика. Вот как в фильме «Жестокий романс». Разве могли мы знать, что стихи Цветаевой посвящены женщине?!

Думаю, следует сказать, что в начале прошлого века в богемных кругах была мода на всё неординарное, нетривиальное, не принятое обществом: в стихах, живописи, в отношениях между людьми. София Парнок и Марина Цветаева как нельзя лучше вписались со своей страстью в эту «моду». Более того! Свободная любовь рассматривалась как демократическое завоевание революции.

...И в том нет высшего, нет лучшего,
Кто раз, хотя бы раз, скорбя,
Не вздрогнул бы от строчки Тютчева:
«Другому как понять тебя?» (Да, я одна)»

Владислав Ходасевич писал о Софии: *«Среднего, скорее даже небольшого роста; с белокурыми волосами, зачёсанными на ко-*

София Парнок

Марина Цветаева

сой пробор и на затылке связанными простым узлом; с бледным лицом, которое, казалось, никогда не было молодо, София Яковлевна не была хороша собой». И ему вторит Марина Цветаева:

Всё в тебе мне до боли нравится —
Даже то, что ты не красавица!
Светло-коричневым кольцом
слегка оттенены,
владычествуют над лицом
глаза, как две луны...

Но всмотритесь в её лицо! Я влюбился сразу, навсегда. Как можно назвать Софу некрасивой!? Высокий лоб, правильный нос, чуть припухлые губы, тронутые улыбкой... А глаза! Выразительные, огромные, они излучают добро, любовь. Всё это в обрамлении золотисто-русых волос. Весь её облик говорит о высокой одухотворённости, интеллекте, кажется, будто она знает какую-то тайну, которую другим не постичь.

С Мариной Цветаевой они были вместе всего года два. Но Софии будет всю жизнь не хватать этих отношений. Тёплые чувства к ней она пронесла через многие годы и другие связи. Каждую новую свою любовь Парнок сравнивала с Мариной:

...Как странно мне её напоминаешь ты!
Такая ж розоватость, золотистость
И перламутровость лица, и шелковистость,
Такое же биенье теплоты...

И тот же холод хитрости змеиной
И скользкости... Но я простила ей!
И я люблю тебя, и сквозь тебя, Марина,
Виденье соимённицы твоей! («Марине Баранович»)

Поражает и то, что иногда Парнок и Цветаевой приходили похожие мысли и рифмы, хотя после разрыва в 1916 году они ни разу больше не встретились и не виделись даже издалека. Вот, например. Ничего не напоминает?

...Мне нравится, что в холодке твоём
Я, как в огне высоком, плавлюсь,
Мне нравится — могу ль сознаться в том! —
Мне нравится, что я тебе не нравлюсь.
(«Марии Петровне Максаковой»)

Или вот ещё у Парнок:

...Гони стихи ночные прочь,
Не надо недоносков духа:
Ведь их воспринимает ночь,
А ночь — плохая повитуха.

У Цветаевой:

...Останешься. Заговор равных.
И вот не спросясь повитух
Гигантова крестника правнук
Петров унаследовал дух.
(«Пётр и Пушкин»)

Рифмы дух/повитух пришли поэтессам практически одновременно. Софья Полякова, историограф Софии Парнок, считает эти строфы поэтесс «*быть может... последним следом сокровенной и глубочайшей духовной близости*»² Парнок и Цветаевой.

Не хочется вдаваться в подробности плотских пристрастий поэтессы и их воспеванию в стихах. Ведь были в её лирике и другие мотивы, и другие, не менее талантливые строчки:

---

² В кн.: Парнок София. Собрание стихотворений. Вступ. статья, подготовка текста и примечания С. Поляковой, Анн Арбор: Ардис, 1979 г., 392 с., фото, стр. 357.

Сегодня с неба день поспешней
Свой охладельный луч унёс.
Гостеприимные скворешни
Пустеют в проседи берёз.

В кустах акаций хруст, — сказать бы:
Сухие щёлкают стручки.
Но слишком странны тишь усадьбы
И сердца громкие толчки...

Да, эта осень — осень дважды!
И то же, что листве, шурша,
Листок нашёптывает каждый,
Твердит усталая душа.

Вслушайтесь! В каждой строке шелестит листвою осень! Как образно, словно смотришь на живописное полотно. Но в то же время словно заглядываешь в душу другого человека, уставшего, ощущающего осень и в природе, и внутри себя. Читаешь — «просесть берёз», а представляешь седые пряди в волосах любимой женщины.

Чтобы заработать на жизнь, в 1910–1916 годы София Яковлевна много печатается в различных журналах как критик и литературовед под псевдонимом Андрей Полянин. В 1916 году в Москве вышел первый поэтический сборник Парнок.

Но «революционная ситуация» никого не отпускает, держит в напряжении и, наконец, разгорается в полную силу. В конце 1917 года София по рекомендации врачей едет в г. Судак, т. к. голодные безденежные годы напомнили о себе открывшимся туберкулёзом. В Крыму она занимается переводами европейской поэзии, пишет заметки, репортажи. Знакомится со многими поэтами Серебряного века, но не примыкает ни к одному из множества существующих в те годы литературных течений.

В начале двадцатых годов София Парнок возвращается в Москву, продолжает заниматься переводами, печатается как литературовед. С подачи А. Эфроса она предпринимает попытку вступить в группу «неоклассиков», становится соучредителем объединения «Лирический круг» и кооперативного издательства «Узел». Но быстро понимает, что это не её путь в литературе.

Поэтесса без усталости совершенствует свой дар, хотя и долгое время не считает поэзию своим призванием. Стихи Софии стано-

вятся сильнее, образнее, эмоциональнее. В них удачно сочетается приверженность поэтессы к классике с её собственным, оригинальным голосом. Музыкальное образование позволило Парнок писать напевные, ритмически правильные стихи.

Господи! Какое счастье
Душу загубить свою,
Променять вино причастья
На Кастальскую струю!³

Поэзия Софии Парнок — выстраданная, вымученная бессонными ночами, истязаниями собственной души, вызванными противоречиями, моральными, нравственными терзаниями. «...Признание за душой моей права на существование дороже мне всякого литературного признания».

* * *

Без оговорок, без условий
Принять свой жребий до конца,
Не обрывать на полуслове
Самодовольного лжеца.

И самому играть во что-то —
В борьбу, в любовь — во что горазд,
Покуда к играм есть охота,
Покуда ты ещё зубаст.

Покуда правит миром шальный,
Какой-то озорной азарт,
И смерть навеки не смешала
Твоих безвыигрышных карт.

В разгар НЭПа, в 1922–1928 годах, вышло четыре книги стихотворений Софии Парнок: «Розы Пиерии» (1922), «Лоза» (1923), «Музыка» (1926), «Вполголоса» (1928). Но позже при жизни не было опубликовано ни одной авторской строчки поэтессы.

...в стол... в заветный ящик —
Лети, мой стих животворящий,
Кем я дышу и в ком живу!

---

³ Кастальский источник на горе Парнас, дарующий вдохновение поэтам и музыкантам.

Но это не означает, что София перестала творить. Отнюдь! Её рука и слово становились твёрже, уверенней. Кропотливая работа над переводами произведений Р. Роллана, М. Пруста, А. Барбюса, Ш. Бодлера также помогает Софии понять силу слова, тем самым совершенствуя мастерство стихосложения.

...Всех накрыла голубая скиния!
Чтоб никто на свете бесприютным не был,
Опустилось ласковое, синее,
Над садами вечеряющее небо.

Детские шаги шуршат по гравию,
Ветерок морской вуаль колышет вдовью.
К нашему великому бесславию,
Видно, Господи, снисходишь ты с любовью.

Софья Полякова писала: «...*Не в пример благополучным по-этам она, как дервиш, не была отягощена никакой собственностью, не имела даже любимых своих поэтов, Тютчева и Баратынского, не оставила после себя архива, к стихам своим относилась с небрежностью и часто ошибалась в датах их создания. Не сохранилось ни дневников (Парнок их, впрочем, едва ли вела), ни записных книжек, ни адресованных ей писем, даже свои стихи Парнок не хранила, в чужих руках их обнаружилось больше, чем в её тетрадях, потому что написанное охотно тут же дарилось желающему*».

Именно поэтому неоценим труд С. Поляковой, которая сумела по крупицам собрать и издать для нас произведения Софии Парнок. Благодаря ей мы можем наслаждаться замечательными стихами С. Парнок. Книга уже давно стала библиографической редкостью, следовательно, поэзия нашей землячки востребована, у неё есть свой читатель.

Ведь настоящее произведение литературы существует параллельно в двух временах — «малом» (время сегодня) и «большом» (время всегда). Главное — это современное звучание стихотворений, их актуализация, диалог современного читателя с автором. Мне кажется, что стихи Парнок соответствуют известному постулату о том, что диалог «читатель-автор» заключается именно в том, чтобы с позиции автора увидеть и запечатлеть вечное в современном, а с позиции читателя — увидеть современное в вечном. Думаю, смело можно сказать, что диалог поэта Софии Парнок с читателем состоялся.

Кончается мой день земной,
Встречаю вечер без смятенья,
И прошлое передо мной
Уж не отбрасывает тени —
Той длинной тени, что в своём
Беспомощном косноязычье
От всех других теней в отличие
Мы будущим своим зовём.

«...любители поэзии умели найти в её стихах то “необщее выражение”, которым стихи только и держатся. Не представляя собою поэтической индивидуальности слишком резкой, бросающейся в глаза, Парнок в то же время была далека от какой бы то ни было подражательности. Её стихи, всегда умственные, всегда точные, с некоторою склонностью к неожиданным рифмам, имели как бы особый свой “почерк” и отличались той мужественной чёткостью, которой так часто не достаёт именно поэтессам» (В. Ходасевич).

...Я покидала Таганрог со смешанными чувствами. Конечно, мне не пришлось в этот раз искупаться в море. Но ведь не это главное. Произошло моё погружение в другую пучину — в безбрежное море Поэзии, котором я открыла для себя ещё один остров сокровищ — остров имени Софии Парнок.

Ростов-на-Дону

София Яковлевна Парно́к (настоящая фамилия Парнох) родилась 30 июля (11 августа) 1885 г. в Таганроге, умерла от разрыва сердца 26 августа 1933 в селе Каринском под Москвой. Похоронена в Москве, на Немецком (Введенском) кладбище в Лефортове (19 уч.).

